



Электронная библиотека  
Гражданское общество в России

---

**К. М. Клемент**

Вызов властным отношениям.  
Гражданские протестные движения  
в закрытой политической системе

Электронный ресурс

URL: [http://www.civisbook.ru/files/File/Vyzov\\_vlast\\_otnosch\\_Kleman.pdf](http://www.civisbook.ru/files/File/Vyzov_vlast_otnosch_Kleman.pdf)

Перепечатка с сайта Института  
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

## Подъем гражданских протестных движений в закрытой политической системе: потенциальный вызов господствующим властным отношениям?

Карин Клеман<sup>1</sup>, ноябрь 2006

Второй президентский срок В.Путина начался с общественных протестных движений, по своему размаху ранее не виданных в России. Эта социальная активизация, вышедшая на пик летом 2004, по преимуществу связана с новой волной «постсоветских» реформ, которые особенно сильно затронули социальный и государственный сектор (социальную защиту, образование, здравоохранение, транспорт, жилье), что вызвало сильное общественное недовольство, охватившее разные социальные слои. На самом деле, для большей части населения, живущей за чертой бедности или едва поднимающейся над этой чертой, социальные права и гарантии, унаследованные из старой советской системы или восходящие (для немалой части) к ельцинскому периоду, являются своего рода «последней социальной опорой». Социальная защита жизненно необходима большинству семей, не имеющих возможности оплачивать медицинские услуги, образование, транспорт или жилье исключительно из своей зарплаты.

Волна общественной активизации<sup>2</sup>, сформировавшаяся в последние несколько лет, остается мало изученной по причине ее недавнего происхождения и невидимости на «макросоциологическом» уровне и, при этом, бросает явный вызов анализу, будучи плохо объяснимой через анализ социо-политический контекст, крайне неблагоприятный для любого коллективного действия. Данная статья отправляется от факта готовности все большей части населения к коллективному действию и представляет собой попытку объяснить и понять мотивы, к нему побуждающие. Задача сложна и потому, что действующие факторы различимы, прежде всего, на микросоциологическом уровне и с трудом укладываются в классические схемы социологии социальных движений. Речь идет о том, чтобы выявить неожиданное и непредсказуемое, связанное прежде всего с многомерностью практик, мышлений и человеческих действий. Социологи, пользующиеся исключительно количественными методами, имеют все шансы не заметить этот объект, а чистые теоретики, концептуализирующие типы политических режимов и общественных движений, вовсе не способны услышать пока еще слабый голос социального протеста.

Изучение протестных движений требует подхода, который основан прежде всего на полевых данных, ставит вопросы из различных теоретических парадигм – качественного подхода, который со всей тщательностью выявляет разнообразие и расхождения между социальными акторами и их личностными характеристиками. Наши рассуждения основаны на предварительных результатах трех продолжающихся исследований. Первое, «Новые социальные движения в России»<sup>3</sup>, представляет собой качественный опрос и исследование случаев (case-studies), дополненные наблюдением и мониторингом коллективных действий. По мере подготовки этой статьи было затранскрибировано и проанализировано около 50 полуструктурированных интервью, проведенных в 15 регионах России как с лидерами, так и с рядовыми участниками различных движений. Второе исследование «Сеть доверия, массовые движения и политическое представительство в России»<sup>4</sup>, дополняет предшествующее данными количественного анкетирования. Его цель --- выявить отношение как активистов, так и остального населения к изменениям политической системы, их нормы и ценности, способность к самоорганизации и независимому политическому

<sup>1</sup> Научный сотрудник Института социологии Российской Академии наук, директор Института «Коллективное Действие» ([www.ikd.ru](http://www.ikd.ru))

<sup>2</sup> На французском и английском языках чаще употребляется термин «(социальная) мобилизация». Однако учитывая его военный оттенок, мы предпочитаем менее точный, но более нейтральный термин «активизация».

<sup>3</sup> Исследование под руководством автора проведено Институтом «Коллективное действие» совместно с Институтом социологии РАН, при поддержке Дома наук о человеке (Париж).

<sup>4</sup> Исследование под руководством Сергея Патрушева (сектор сравнительных политологических исследований), реализованный Институтом социологии РАН.

самовыражению. К концу первого этапа проведения исследования 815 человек (50% которых составили активисты), проживающих в 15 российских регионах, заполнили очень детализированные анкеты. Наконец, чтобы сравнить установки и нормы активистов с таковыми представителей власти, мы отчасти воспользовались также данными исследования «Особенности власти в постсоветском контексте»<sup>5</sup>, которые были получены в ходе интервью с высокопоставленными чиновниками, а также с экспертами по данному вопросу.

Задавшись целью выяснить способность протестных движений к изменениям в действующей сегодня системе власти, мы начнем с описания институциональных рамок, в которых разворачивается общественная мобилизация, затем проанализируем протестные движения, которые представляются нам наиболее значимыми за последние два года, и наконец, обсудим перспективу их превращения в социальные движения, способные привести к демократизации господствующей властной системы.

### **Политико-институциональный контекст, не благоприятствующий социальной активизации**

Согласно одному из основных направлений социологии социальных движений, фактором, способствующим появлению таковых, является «структура политических возможностей»<sup>6</sup>. Последняя понимается различным образом у разных авторов, как и критерии «проводящей» структуры, которые варьируют от автора к автору. Наиболее известное определение принадлежит Дугу МакАдаму<sup>7</sup>, который перечисляет четыре критерия: открытие или закрытие институциональной политической системы, стабильность или нестабильность властвующих элит, возможность или невозможность создать альянсы с частью элит, репрессивные возможности и установки государства. Если исходить из этих четырех пунктов, следует признать, что после некоторого открытия политической системы в конце 1980-х – начале 1990-х изменения направлены в сторону постепенного сужения политических возможностей. Если обширная активизация различных социальных категорий (интеллектуалы, предприниматели, шахтеры, экологи и т.д.)<sup>8</sup>, происходившая одновременно с борьбой внутри советских элит, в тот период завершилась разрушением советской политической системы, для пришедшей ей на смену постсоветской системы все более и более характерна закрытость к вмешательствам или даже влияниям со стороны «низовых» гражданских образований.

Традиционное разделение российского общества на «них» (власть) и «нас» (низы) воспроизводится и даже усиливается на протяжении 1990-х. Опросы общественного мнения показывают, что власть воспринимается как пристрастная, коррумпированная, творящая произвол, далекая от забот обычных граждан - в такой степени, что некоторые социологи говорят об «обществе-песочных часах», чтобы заострить это разделение между властью и обществом: «Обычные люди не верят, что они могут повлиять на правительство, но, с другой стороны, правительство не может вмешаться в их жизнь»<sup>9</sup>. Власть и общество сходятся в том, что не замечают друг друга: мы явно далеки от демократических моделей организации власти.

Распад советской системы мало что изменил в этой схеме властных отношений, отмеченных сильным политическим отчуждением общества. Эйфория 1989-1990 годов, вызванная открытием того, что «совместные действия» - это власть, быстро пошла на убыль,

<sup>5</sup> Исследование под руководством Антона Олейника (факультет социологии университета Сен-Джонс, Канада), реализованное командой канадских и российских исследователей.

<sup>6</sup> См., напр.: S.Tarrow, *Power in Movement: Social Movements, Collective Action and Politics*. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1994;

<sup>7</sup> McAdam D., McCarthy D., Zald M.N. (eds.) *Comparative Perspectives on Social Movements*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996

<sup>8</sup> Анализ движений начала 1990 см.: A.Touraine; A.Berelowitch, M.Wierviorka (dir.), *Les Russes d'en bas*, Paris, Seuil, 1998

<sup>9</sup> Rose Richard, Mishler William & Haerpfer, 1997, 'Getting Real: Social Capital in Post-Communist Societies' // *Studies in Public Policy*, No. 278, p.9

в результате изменений декларированной системы, прихода к власти Бориса Ельцина и «новой демократической» элиты. Проблема заключается не только в том, что обладатели политической власти мало что изменили, притом, что бывшая советская номенклатура в основном сохранила свои позиции, но также в том, что население достаточно быстро лишилось власти (власти социального протеста, влияния, в той терминологии, которую мы избрали) и снова позволило действовать представителям; будучи зачастую разочарованы в результатах мобилизации, люди вернулись к своей частной жизни и неотложным проблемам повседневного выживания<sup>10</sup>. Этот уход от общественной жизни активно поощрялся ельцинской властью, которая предъявила себя в 1991 как воплощение демократических требований манифестантов, равно как господствующим на тот момент дискурсом интеллектуальной элиты, который убеждал в необходимости оставить политику «профессионалам», прекратить дестабилизировать ситуацию коллективными действиями, казавшимися опасными, короче, уйти из политики, чтобы снова найти дорогу к дому, заводу или офису.

С формальной точки зрения, режим, установленный Б.Ельциным, соответствует демократическим критериям, поскольку были учреждены основные демократические институты: свободные выборы, Конституция, многопартийная система, свобода СМИ и т.д. Проблема состоит в том, что эти институты расположились в ином пространстве, нежели общественное. С одной стороны, опросы показывают неизменно низкое доверие россиян к формальным институтам (парламент, правительство, полиция, правосудие и т.д.) или к политической власти<sup>11</sup>. С другой стороны, исследования, объектом которых стали предприниматели<sup>12</sup>, рабочие<sup>13</sup>, крестьяне<sup>14</sup>, государственные служащие<sup>15</sup> и т.д., указывают на полное превосходство неформального над формальным - как основного способа управления повседневной жизнью. Например, в среде рабочих, в случае проблем или нарушения их прав они в основном предпочитают (и практика это подтверждает) прибегать к неформальным связям с тем или иным начальником и «выкручиваться» по-хитрому, нежели обращаться в суды, профсоюзы или организовывать коллективное действие. Научное отношение к неформальному варьирует от автора к автору<sup>16</sup>, как и восприятие его в качестве общественного блага или зла, но никто не ставит под вопрос значимость неформальных практик и правил в структурировании повседневной жизни. При этом подобная «деформализация» повседневной жизни в существенной мере поддерживается обладателями политической власти и представителями формальных институтов, как через принятие законов, оставляющих достаточно широкие рамки для свободной интерпретации, так и через применение этих законов от случая к случаю. Как бы то ни было, формальные институты не способны в действительности регулировать жизнь в обществе и отвечать на запросы и ожидания граждан. Вместе с тем, насколько позволяют судить предварительные результаты исследования, посвященного чиновникам<sup>17</sup>, они отвечают интересам и ожиданиям

---

<sup>10</sup> K. Clément, *L'action politique à la base au travers des manifestations à Moscou de 1987 à nos jours*. Mémoire de DEA, sous la direction de M. Wiewiorka, EHESS, 1994, 150 p.

<sup>11</sup> На всем протяжении 1990-х уровень доверия россиян к институтам, измеряемый, например, Новым российским барометром, ниже уровня, выявленного в ходе World Values Survey (<http://www.worldvaluessurvey.org/>).

<sup>12</sup> Радаев, В.В. (1999) «Неформальная экономика и внеконтрактные отношения в российском бизнесе. Подходы к исследованию неформальной экономики», Неформальная экономика: Россия и мир, Под ред. Т.Шанина. М.: Логос.

<sup>13</sup> Клеман К. Формальные и неформальные правила: каков оптимум?// Становление трудовых отношений в постсоветской России. / Ред. Д.ДеБарделебен, С.Климова, В.Ядов, М.: Академический проект, 2004.

<sup>14</sup> Т.Шанин (ред.), Неформальная экономика. – М.: ЛОГОС, 1999.

<sup>15</sup> Яницкий, О.Н. (2002) «Теневые отношения в современной России» [ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/04/27/0000209908/019Yanitskij.pdf]

<sup>16</sup> M. Désert, « Le débat russe sur l'informel », *Questions de Recherche*, N° 17, CERI – Mai 2006 (<http://www.ceri-sciences-po.org/publica/qdr.htm> 2)

<sup>17</sup> « Особенности власти в постсоветской России » (исследование под руководством А.Олейника), op.cit.

обладателей власти и высокопоставленных чиновников. «Законы пишутся людьми, и всегда можно поставить наших людей, чтобы они написали те законы, которые нам нужны», - заявляет один из чиновников. В результате этой слабости формальных институтов граждане обходят их стороной и находят убежище, по преимуществу, в неформальном пространстве, что препятствует коллективному действию, одна из целей которого прямо относится к концепции институциональных изменений и, в первую очередь, к законодательным реформам.

Это отсылает нас к иной характеристике властных отношений в России: важности межличностного доверия, особенно по сравнению со слабым доверием к институтам и с общим уровнем доверия. В отношении индивидуальных стратегий выживания или улучшения жизненных условий полевые исследования указывают на важность микросетей взаимной поддержки и обмена услугами, которые опираются на межличностные неформальные отношения<sup>18</sup>. Социологи говорят о группах «своих» или микрогруппах. Некоторые даже используют термин «клики» для описания этих сетей и определяют данное понятие как сообщества неформальных связей, интегрирующие «своих» людей на основе взаимного доверия и готовности ради «общего дела» пренебречь моральными и правовыми нормами в отношении других граждан<sup>19</sup>. С этой общей чертой российского общества перекликается и понятие «клан» применительно к классу политических управленцев. Интервью с чиновниками среднего уровня указывают на тот же тип межличностной солидарности, что и в случае политико-экономического «клана», к которому принадлежит высокопоставленный чиновник. Преданность клану даже представляется единственным фактором, который ограничивает власть политических управленцев, когда последние, по собственным признаниям, никак не принимают в расчет «низовые» требования и могут с легкостью «уладить проблемы» с законом и прочими формальными ограничениями.

- «Закон ничего не значит. Решение должно удовлетворять букве закона, а не его духу», — отмечает консультант федерального министерства.

- «Общественного мнения и закона для чиновников не существует... Есть... четкое понимание того, что нарушишь политические интересы — президента, хозяина или кого-то еще — посадят или положат. Ну и все», — рассказывает бывший помощник федерального министра.

- «Население? Да бросьте... Что такое население? 140 млн человек. Кто его представители? Покажите мне их фамилии. С кем общаться? С каждой бабушкой? Выйти на площадь: товарищи, давайте список составлять?» — иронизирует чиновник, занимающий должность уровня директора департамента аппарата российского правительства.

- «Инициатива снизу вообще никак не учитывается. Потому что низы не знают, что им нужно для счастья. Это все равно что у студента спрашивать: а что бы ты еще хотел, милый, знать, чтобы стать специалистом? Он же учиться пришел. Поэтому это я как преподаватель ему определяю», — по-отечески рассуждает директор департамента областной администрации.

- «Общественность очень хороша, когда нужно какую-нибудь акцию провести. Сейчас мы тут сделаем общественную организацию, под нее запустим там что-нибудь — вот это да, тут нужна общественность», — говорит чиновник, равновеликий директору департамента в аппарате правительства.

Не вынося ценностного суждения по поводу межличностного доверия — необходимого материального и субъективного ресурса для индивида, вовлеченного в такие сети — следует подчеркнуть, что оно не избавлено от властных отношений, поскольку глава или «хозяин» сети нередко навязывает свои правила остальным членам группы, дорожащими своей верностью. Но, прежде всего, этот тип доверия ограничивается крайне узкими

<sup>18</sup> R. Rose, *What Does Social Capital Add to Individual Welfare? A Empirical Analysis of Russia*, Studies in Public Policy 318, Centre for the Study of Public Policy, University of Strathclyde, Glasgow, 1999

<sup>19</sup> А. Д. Хлопин, «Российский социум: границы общностей и парадоксы их институциональной интеграции» // Социум и власть, ИСПРАН/Мысль, 2003. С. 45-69, 66.

отношениями лицом-к-лицу между лично знакомыми людьми, что делает практически невозможным расширение микрогруппы или микросети вплоть до их слияния с другими группами и, в еще меньшей степени – до более обширных объединений, таких как добровольные ассоциации. Исследование «Social Capital Survey»<sup>20</sup> показывает, например, что доля россиян, которые заявляют о своей принадлежности к добровольным ассоциациям, не превосходит 10-20% (и это с учетом всех чисто формальных – существующих на бумаге – общественных организаций).

Проблема, прежде всего с точки зрения социальной активизации, состоит, таким образом, в слабости общей солидарности, которую Фрэнсис Фукуяма традиционно определяет как основанную на добровольных организациях<sup>21</sup>. А ведь данный тип солидарности является основополагающим для участия в коллективном действии, прежде всего гражданского типа. Межличностная солидарность, какой она предстает в России, позволяет решить индивидуальные проблемы членов группы, которые очень далеки от общественных вопросов или даже прямо противоречат общему благу. Более того, эта солидарность управляется крайне специфическими неформальными правилами, в большинстве случаев навязанными главой группы, которые никак не распространяются на индивидов, внешних для группы. Тем самым, этот тип солидарности отдаляет индивидов не только от коллективного действия, но одновременно и от минимальной реализации ими своей гражданственности.

К этим характеристикам, которые относятся к устойчивым структурам российского общества и властных отношений и которые, тем самым, выходят за рамки узкого принятия «структуры политических возможностей», остается добавить текущие изменения, инициированные В.Путиным с его приходом к власти. С одной стороны, речь идет о целой серии законодательных реформ политической системы: усиление бюрократических и формальных барьеров против демонстраций и забастовок, упразднение прямых выборов губернаторов и мэров, практическая невозможность проведения референдума по инициативе населения, отмена голосования за одномандатников на общенациональных парламентских выборах, подъем барьера для вхождения партий в Думу с 5% до 7%, трудноосуществимые нормы регистрации партий (минимум 50000 членов в 45 регионах), новый закон, усиливающий контроль государства за НПО и т.д. В результате, «политические возможности» сужаются еще больше. Институциональная политическая система в целом защищена от любых вторжений новых игроков, оппозиционеров или низовых и неподконтрольных групп. Завершает эту картину растущее использование репрессий и запугивание оппонентов и протестующих, контроль над крупными теле-СМИ, а также внедрение «официального гражданского общества» (создание органов гражданского общества, избираемых и контролируемых президентской властью, например, «Общественной палаты»).

Характеризовать режим – деликатная задача, и в качестве аналитической точки отсчета мы рискуем воспользоваться термином «навязанной власти» («imposed power»), предложенной, например, Антоном Олейником<sup>22</sup>. А.Олейник подразумевает под этим термином власть, основанную на принуждении или запугивании, на кооптации тех, кто доказывает свою лояльность, или на манипуляции. Более всего, эта власть определяется как то, что не ограничено никаким внешним к ней правилом или основанием, и имеет цель в самой себе. Речь не идет о власти «что-то делать» («power to»), в еще меньшей степени – о власти «с», но о власти «над». Эмпирическая проверка этой характеристики выходит за рамки настоящей статьи. Мы просто согласимся с ее правдоподобием, прежде всего в отношении актуальной конфигурации системы власти.

---

<sup>20</sup> Rose, Richard. 1999, op.cit.

<sup>21</sup> F.Fukuyama, *Trust. The Social Virtues and Creation of Prosperity*, The Free Press, New York, 1996

<sup>22</sup> A.Oleinik, "A Taxinomy of Power Relationships and its Applications to the Russian Case", paper for the meeting of the International Network of Experts on the Issues of Administrative Reform in Post-Soviet Countries, Memorial University of Newfoundland, 26-29 August 2006

То, на что в любом случае указывают наши замечания о расколе между властью и обществом, о сокращении публичной сферы, превалировании неформального и слабой общей солидарности – это крайне стабильная, социально укорененная система властных отношений, которая воспроизводит те же черты на макро- и микросоциальном уровне, как на вершине системы, так и в ее основании (т.е. система, которую можно назвать господствующей). То, что власть переживается как несправедливая, произвольная и коррумпированная, не означает ее социальной неприемлемости (принять не значит поддерживать), хотя бы потому, что никакая из альтернатив не воспринимается как возможная. Таким образом, на полном основании можно поставить вопрос: при каких условиях эта система может быть изменена и оспорена? Подразумевая, что система соответствует интересам и ожиданиям обладателей власти, изменения никак не могут быть инициированы классом высших управленцев. Остаются две возможности: либо внешнее давление (которое с необходимостью предполагает изменение отношения других стран к российской высшей власти, в настоящее время пользующейся поддержкой западных правительств, закрывающих глаза на нарушения прав человека в стране), и это выходит за рамки нашего анализа; либо протест изнутри, со стороны граждан, которые действуют изнутри этой системы, но объединяются в движение, чтобы опротестовать ее неизбежность и потребовать большей демократии, открытости системы к участию тех, кто в настоящий момент подчинен «навязанной власти».

Но как можно ожидать социального протеста, если властная система в целом принимается и воспроизводится в повседневных взаимодействиях? На протяжении всех 1990-х годов, за почти единственным исключением трудовых конфликтов в 1997-98<sup>23</sup>, статистика демонстрирует смехотворно низкое число забастовок и уличных демонстраций. Отвлеченное рассуждение, как кажется, «кусает себя за хвост». Однако именно здесь вмешивается богатство и непредсказуемость человеческих действий и мыслей. Хотя ничто на это не указывало, начиная с лета 2004, наблюдается подъем коллективных действий и формирование социальных движений. «Показав нос» подходам, отмеченным сильным структуральным или институциональным детерминизмом, движения, появившиеся в России в 2004-2006 гг., еще раз доказывают, что даже в очень неблагоприятном институциональном контексте социальная активизация остается, тем не менее, возможной.

### **Возникающие социальные движения, несмотря на неблагоприятный институциональный контекст**

С самого начала уточним понятие «социального движения» (social movements), которое стало общим местом (по крайней мере во французском и английском языках). Речь идет вовсе не о социальном движении в высоком смысле, который ему приписывает, например, школа Алэна Турена<sup>24</sup> (движение, сознающее себя, с хорошо разработанной коллективной идентичностью, противопоставляющее себя ясно обозначенному противнику с целью овладения Целостностью или Историчностью). Понятие используется здесь в гораздо более скромном значении, близком к его обыденному смыслу как слабо формализованных и слабо институционализированных общих действий, обладающих определенной длительностью

---

<sup>23</sup> Речь идет, в частности, о массовых забастовочных движениях, перекрытиях автомобильных и железных дорог (период, называемый «рельсовой войной») и многочисленных попытках работников взять предприятия в свои руки. В этих случаях протест был обращен на невыплаты и снижение зарплат, но также на спровоцированное банкротство приватизированных предприятий с их последующей продажей за символические суммы. Шахтеры Кузбасса начали движение, перекрыв Транссибирскую магистраль на несколько недель и организовав постоянный забастовочный пикет перед Белым домом (весна-лето 1998). В конечном счете, их требования приобрели политический характер, и забастовщики потребовали отставки Б.Ельцина. Конец движению положил финансовый кризис августа 1998 и последовавшая за ним смена правительства.

<sup>24</sup> А.Турена, *La voix et le regard*, Paris, Seuil, 1978

и минимальной организацией/координацией ввиду реализации социальных изменений<sup>25</sup>. Само использование этого понятия обладает проективным характером в отношении еще только зарождающейся социального явления, длительность существования которого еще остается под вопросом ввиду молодости изучаемых нами движений. Однако мы рискуем употреблять это понятие, с одной стороны, чтобы обозначить качественные изменения, произошедшие в отношении к коллективному действию и в самих коллективных действиях, и с другой стороны, чтобы отделить наш объект от «простых» коллективных акций протеста. Таковые, в отличие от того, что можно было зафиксировать на протяжении 1990-х, также участились, вплоть до того, что во всех городах России можно насчитать десятки, если не сотни групп граждан («низовые гражданские инициативы»), выступающих в защиту очень разнообразных и прагматических интересов, начиная с реконструкции дома, минуя защиту школы, которой грозит закрытие, заканчивая сохранением парка. Конечно, социальные движения рождаются от этих коллективных действий, однако они представляют собой шаг вперед в степени активности, поскольку они характеризуются определенными организационными структурами, способностью к координации, более общей солидарностью, более явной и широкой коллективной идентичностью, более общими требованиями, которые затрагивают общественные блага, и более масштабными целями, связанными с определенным взглядом на общество и власть.

Рамки этой статьи не позволяют детально описать упоминаемые нами социальные движения, поэтому мы позволим себе отослать к другим публикациям, сосредоточенным на описании и анализе изучаемых движений<sup>26</sup>. Обозначим в нескольких словах основные объекты нашего исследования. Прежде всего, речь идет о протестном движении зимы 2004-2005 года и весны 2005 года, организованном против реформы социальных гарантий (т.н. «монетизация социальных льгот»), которое в действительности затронуло большую часть населения, начиная с пенсионеров, включая также школьников и студентов, заканчивая инвалидами, работниками Севера, жертв политических репрессий и т.д. Это протестное движение, объединившееся вокруг требования отменить закон о «монетизации», сложилось совершенно стихийным образом в ходе массовых митингов и демонстраций, захватов государственных учреждений и перекрытий улиц в десятке городов (в частности, в Санкт-Петербурге, Подмосковье, Ижевске, Перми, Барнауле, Омске, Кургане, Саратове, Твери, Благовещенске, Новосибирске, Самаре и ряде других). Позже к нему примкнули более организованные политические и общественные силы, которые приняли участие в координации и политизации движения. Для нашего предмета наиболее примечательным фактом стал тот, что с течением времени движение не свелось к нулю, даже после частичного удовлетворения требований. Во многих регионах созданные координирующие органы продолжили существование и переорганизовались, расширив одновременно свою социальную базу и сферу деятельности. В поисках выхода на федеральный уровень некоторые из них установили постоянные отношения друг с другом и создали сети. Одной из таких сетей стал Союз координационных советов России (СКС), объединивший с момента своего создания в апреле 2005 шесть регионов и координирующий на сегодня 25 региональных коалиций. Другое важное протестное движение сформировалось ближе к концу 2005 года и продолжает развиваться. Речь идет о движении в защиту жилищных прав. Оно достаточно раздроблено, а поднимаемые проблемы крайне разнообразны, охватывая протест против высоких коммунальных платежей, вопросы об управлении многоквартирными домами или сопротивление выселениям. Однако и здесь можно

<sup>25</sup> Это определение обязано, среди прочих, формулировке, предложенной Петром Штомпкой: Piotr Sztompka, *The Sociology of Social Change*, Oxford and Cambridge, Blackwell, 1993

<sup>26</sup> К. Clément, *La contestation de gauche et les mouvements sociaux émergents// La dérouté des partis de l'opposition en Russie*, Dossier CERI dirigé par Gilles Favarel-Garrigues, mai 2006 (<http://www.ceri-sciencespo.com/archive/mai06/artkc.pdf>); Появление социальных движений нового типа в России.

Институциональная политология: Современный институционализм и проблемы политической трансформации России / Под ред. С.В. Патрушева. М.: ИСПРАН, 2006, pp. 229-264 [<http://ikd.ru/Critview/theoryofcollaction/Article.2005-09-13.5221>]



наблюдать создание координирующих органов и учреждение сетей; в частности, СКС сыграл важную роль в привлечении новых групп и координации борьбы. Таким образом, если «низовые гражданские инициативы», возглавляемые по преимуществу инициативными комитетами жителей, затронутых конкретными проблемами, прекращают существование после решения своей проблемы, то можно, все же, наблюдать явную тенденцию сохранения активистских установок самых главных инициаторов коллективных действий (лидеров). Существует и тенденция к установлению контактов с другими гражданскими инициативами, способными придать движению смысл и эффективный размах. В регионах, где координирующие борьбу коалиции наиболее динамичны, эти низовые инициативы находят в них пространство взаимодействия и организационную помощь, что, в свою очередь, располагает их к включению в деятельность этих коалиций.

Чтобы лучше понять этот феномен, следует кратко обрисовать социально-политический портрет участников этих движений и гражданских инициатив. Многие из них – люди, не обладающие предшествующим политическим опытом. Большинство из них молоды или среднего возраста. До начала своего вовлечения в активистскую деятельность, они были социально активны, но в сферах, далеких от публичной (и, тем более, от политической): малое предпринимательство, профессиональная карьера, клубы, интеллектуальные кружки, ассоциации досугов, традиционные домкомы и т.д. Это люди самых разных социальных категорий, однако принадлежащие к той крайне важной части населения, которую можно охарактеризовать как «социально уязвимая». Речь идет о людях, чьи доходы позволяют им сводить концы с концами до тех пор, пока в их ситуации не случаются существенные перемены (внезапное лишение социальных гарантий, риск потерять свое жилье, свое малое предприятие и т.д.). Эти люди, ежедневно сталкивающиеся с социальными рисками, составляют большинство населения, по меньшей мере в больших и средних городах (в целом, социальные движения, за редкими исключениями – городское явление), что позволяет сформулировать гипотезу о дальнейшем подъеме социальных движений, порожденных текущими социальными реформами, во всяком случае, если сети окажутся прочными и способными к объединению столь различных социальных и политических групп, которые фигурируют, например, в ижевском Координационном совете гражданских действий<sup>27</sup>.

После этого краткого социологического описания объекта, мы можем попытаться очертить некоторые ключевые факторы появления социальных движений. Прежде всего, мотивом первых шагов на пути к социальному протесту является ощущение угрозы социальному благополучию индивида или семьи. Сколь бы мало романтичным это ни показалось, люди редко или вообще не активизируются «во имя всего человечества», в вокруг проблем, связанных с их личной ситуацией. В таком далеко удаленном от политики обществе, как российское, чтобы быть привлекательным, коллективное действие должно иметь смысл для людей, погруженных в бытовые проблемы.

Затем к ощущению угрозы прибавляется сознание невозможности разрешить проблему на индивидуальном уровне. Если угроза состоит, например, в разрушении дома, большинству становится очевидным, что без коллективного действия всех или почти всех жителей защитить себя крайне трудно. Таким образом, возникает «инициативная группа», объединившаяся вокруг общей проблемы. А поскольку текущие политические реформы нацелены, прежде всего, на общественные услуги и коллективные блага, есть основание для

---

<sup>27</sup> В котором представлены Общественный совет ветеранов, местная оппозиционная газета, студенческий и преподавательские профсоюзы, движение домкомов, местное движение жителей общежитий, группы жителей по борьбе с точечной застройкой, левые интеллектуалы, группы по защите стихийно созданных дачных участков и т.д. Что касается партий, здесь представлены Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП), анархистские организации, движение Гарри Каспарова (Объединенный гражданский фронт), движение «За достойную жизнь» депутата Сергея Глазьева, а также, в эпизодической форме, Коммунистическая партия Геннадия Зюганова. Подобное разнообразие, скрепленное в основном усилиями местных лидеров, не может не вызывать проблем сосуществования. Отметим сразу же (и к этому мы еще вернемся), что в этой местной коалиции после полутора лет существования начались трения и расколы.

возникновения хотя бы минимального чувства солидарности между людьми, сталкивающимися с угрозой коллективным благам, которыми все они пользуются.

Второй фактор – это столкновение с государством и последовавшее разочарование от попыток решить проблему неконфликтными средствами. Первая реакция групп, желающих разрешить проблему коллективного характера – обращение к представителям государства с своими жалобами и просьбами о помощи. В зависимости от имеющихся средств, в игру вводятся неформальные отношения, письма, петиции, лоббирование. Если это не дает результата, настает очередь обращений в суды и иные инстанции, предназначенные блюсти закон. Время коллективной акции протеста наступает, когда члены группы убеждаются в бесполезности неформальных мер, равно как в призывах к формальным институтам. Патерналистские установки, подданнические или легалистские, рассыпаются от столкновения с жизненным опытом. Интервью с активистами изобилуют свидетельствами длительных и бесплодных бюрократических баталий. Власти, институты, государственные представители описываются как «коррупцированные», творящие «произвол», «глухие к требованиям простых граждан», «не соблюдающие закон», «обманывающие» население. Важно отметить этот момент прямого столкновения с государством, определяющим для начала участия в протестной деятельности. Рост числа подобных случаев указывает на изменение отношения общества/государства, которое вытекает из нового курса постсоветских реформ. Покуда реформы охватывали сферы, наиболее удаленные от обыденной жизни, население могло с легкостью укрыться от них в частном пространстве<sup>28</sup>; с того момента как реформы затронули общественные услуги и коллективные блага, государство заявило о себе в повседневной жизни. Традиционный раскол между обществом и государством оказался устранен: открылся путь к гражданской мобилизации.

Мы не можем воспроизвести здесь всю систему разнообразных мотивов, оснований и факторов, располагающих к коллективному действию, но есть, по меньшей мере, еще один определяющий элемент, о котором необходимо упомянуть, чтобы обратиться к нему более подробно впоследствии: основополагающей роли лидеров. Под лидерами мы понимаем людей, которые на разных уровнях берут на себя инициативу по соединению людей, их вовлечению в активистскую деятельность, их информированию, организации и т.д. В отсутствии такой фигуры, даже если все прочие элементы имеются, протест остается пассивным. Именно лидер играет основную роль в сборке сети и начале длительной активизации, т.е. в рождении социального движения. Не останавливаясь сейчас подробно на лидерах, отметим лишь, что их отличает относительно высокий уровень образования, большая общительность, значительная социальная подвижность (некоторые очень успешно поднимались по ступеням профессиональных карьер, прежде чем «затормозили», занявшись активизмом), обширная сеть контактов, твердый авторитет в глазах группы и за ее пределами, юридическая и организаторская способность. Короче говоря, они выступают обладателями существенного социального капитала<sup>29</sup>.

Все до сих пор перечисляемые нами факторы, помимо роли лидера, относятся к первым шагам социальной активизации, а не к переходу от локальных гражданских инициатив к социальному движению. Прежде чем двинуться дальше и задать теоретические вопросы «почему» и «как» применительно к рождению социальных движений, нужно

---

<sup>28</sup> «Шоковая терапия» 1992 года, несомненно, дестабилизировала повседневную жизнь, но была воспринята как неизбежная и «переходная» мера, которая гарантировала путь к процветающей рыночной экономике. Вместе с тем, она затрагивала, прежде всего, экономическую, а не социальную сферу – что в глазах населения ответственными за обнищание делало «олигархов» и прочих инициаторов этой затеи, а отнюдь не «государство» или «власть».

<sup>29</sup> Понятие «социального капитала» используется здесь в нейтральном смысле – как способность к созданию социальных связей. Мы обходим стороной теоретические дискуссии о различных интерпретациях этого понятия. Различные варианты см. в: P. Bourdieu, “Le capital social. Notes provisoires”, *Actes de la recherche en sciences sociales*, n. 31, 1980; J. Coleman, “Social Capital in the Creation of Human Capital”, *American Journal of Sociology*, 94:95-120, 1998; R. Putnam, *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton NJ: Princeton University Press, 1993.

перечислить основные черты, которые эти движения характеризуют. Мы приведем шесть таких характеристик, которые представляются нам важными с точки зрения нашего вопроса о возможном вызове господствующим властным отношениям, который могут представлять собой социальные движения:

- Наблюдается ясная тенденция к перегруппировке инициатив, созданию координирующих органов, формированию сетей в соответствии с различными схемами и с переменным размахом и успехом (анализировать которые мы здесь не станем). Но главное, утверждение более общей солидарности, чем та, которая ограничивается группой «своих».

- Требования и цели понемногу становятся все более общими и имеют тенденцию политизироваться благодаря постоянному участию в коллективных акциях, дискуссиях между участниками, обмену информацией, столкновению интересов и точек зрения, обсуждению принимаемых решений и т.д. Конечно, было бы ошибочно говорить об «общественном проекте» или альтернативной идеологии, однако некоторые политические принципы и ценности утверждаются в качестве разделяемых большинством. Ценности, к которым чаще всего отсылают активисты, утверждают существование «прав граждан» (в противовес бесправному подчинению «навязанной власти») и требование «равенства всех перед законом», а также «достоинства» (права на признание). Политические принципы слабо разработаны, однако находятся в многочисленных совместных декларациях и заявлениях активистов – выражение «гражданского контроля». Термин «Советы» (иногда напрямую отсылающий к рабочим Советам первых лет Революции 1917), используемый в самообозначении большинства местных активистских коалиций, уже больше не безобиден в глазах тех, кто им пользуется.

- В своем подавляющем большинстве социальные движения создаются за рамками формальных институтов политического представительства (хотя и могут включать некоторых местных депутатов) и независимо от институционально признанных политических партий (формально зарегистрированных или представленных в Думе). Сравнительный анализ динамики коллективных действий в разных регионах начиная с лета 2004 года показывает, что наиболее массовые и устойчивые движения – те, что сложились «стихийно» и впоследствии самоорганизовались в форме коалиции, ядро которой сумело сохранить независимость в отношении институциональных политических партий. С того момента, как партии берут в свои руки контроль над коалициями, последние начинают рассыпаться по причине политической разнородности своих составляющих, сосредоточенности партий на электоральных целях и включения в господствующие отношения власти. Риск утраты независимости растет в период выборов – что станет несомненной проблемой в 2007-2008, в период федеральных парламентских и президентских выборов.

- В ходе активизации, прежде всего на микросоциальном уровне, индивиды превращаются в акторов, получают опыт своей способности к совместным действиям, собственной компетентности, своего полномочия. Многие осознают, что они не обречены подчиняться, что они могут действовать и иметь влияние на окружающий их мир. Этот момент обнаруживается особенно явно при умножении числа инициатив самоорганизации и самоуправления, например, в рамках домовых или районных комитетов.

- Это чувство, быть наделенным властью делать что-то («power to»), обеспечивается другой характеристикой общественных движений 2004-2006 годов: они сумели достичь некоторых своих целей, в т.ч. заставив местные, региональные, но также федеральные власти пойти на компромиссы. Так произошло в случае реформы по «монетизации социальных льгот», которая была пересмотрена правительством вслед за массовыми выступлениями. Так произошло в случае реформы жилищного кодекса, когда было принято несколько поправок, соответствующих требованиям жилищных движений.

- Через один-два года после рождения социальных движений институциональная власть не сумела взять над ними контроль, по крайней мере полностью. Однако региональные и федеральные власти предпринимают отчетливые (и не всегда бесплодные) усилия контролировать движения путем манипуляции, кооптации, принуждения, запугивания и даже – как показала волна массовых арестов (включая превентивные) в связи с акциями против саммита «большой восьмерки» в Петербурге в июле 2006 – репрессий<sup>30</sup>.

Конечно, рождающиеся социальные движения далеко не сводятся к перечисленным выше характеристикам и вбирают в себя гораздо более противоречивые аспекты. Что касается узловой для нашего анализа проблемы властных отношений, необходимо отметить наличие тенденций, препятствующих самостоятельности социальных движений. Хотя они не берут верх, их существованием нельзя пренебречь. Склонность – во имя эффективности – к поиску административных ресурсов (иметь «своего человека во власти»)<sup>31</sup>, большой соблазн кооптации во власть (предложение лидерам хорошего места в органах власти), страх перед репрессиями (которые выражаются в арестах, но также увольнениями или исключением из университета): система навязанной власти столь многогранна, что ей трудно сопротивляться.

Вместе с тем, все более явная тенденция к закрытию институционального поля политической власти для «неподконтрольных» организаций ограничивает возможности открыто протестных движений войти в поле власти, контролируемое Кремлем или региональными властями. Таким образом, сохранение собственной самостоятельности возможно, при условии, что у появившихся социальных движений достаточно ресурсов для выживания в конфликтных отношениях с властями. На сегодня, однако, вопрос остается открытым: социальным движениям остро недостает материальных ресурсов (помимо некоторых НПО, связанных с Западом, большинство низовых гражданских инициатив не имеют доступа к помощи, оказываемой фондами или спонсорами) и доступа в поле СМИ. Эти недостатки отчасти компенсируются собственными ресурсами социальных движений: сетями альтернативной информации (интернет, местные журналисты-активисты, листовки, сведения, передаваемые из уст в уста) формированием организационных комитетов, сетей солидарности, появлением новых идентичностей («мы – активные граждане»), но, прежде всего, «обманутых властью». Однако, сформировавшись, движения и организация, на которую они опираются, остаются уязвимыми, новые идентичности частичны и недостаточно подкреплены, а солидарность подвержена колебаниям, которые зависят от отношений доверия между различными сегментами и лидерами сети, равно как от приливов и отливов социальной активности. В период спада мобилизации организационные структуры функционируют гораздо хуже, и движениям гораздо труднее продолжать существование.

Эти противоречия, свойственные движениям (движению жителей против незаконной застройки, движению жителей общежитий, Союзу координационных советов, сети Российского социального форума, движению за спасение Байкала, движению против монетизации льгот и т.д.), могут снижать их действенность, но никоим образом не позволяют усомниться в их существовании. Уже само их существование – это вызов господствующим структурам власти, которые мы анализировали в первой части настоящей статьи. Это существование также заставляет поставить под вопрос некоторые теоретические подходы, ни один из которых не дает ему удовлетворительного объяснения. Подход, предлагающий взгляд в терминах «структуры политических возможностей»<sup>32</sup> более других демонстрирует свои недостатки, поскольку равно институциональная политическая система и наиболее общая структура властных отношений в российском обществе крайне

<sup>30</sup> В целом, согласно отчету команды добровольной юридической помощи активистам («Legal Team G8»), 577 человек были задержаны как в ходе протестных акций во время Саммита, так и превентивно --- в регионах или по пути в Санкт-Петербург. См.: [http://community.livejournal.com/g8\\_legalteam/](http://community.livejournal.com/g8_legalteam/)

<sup>31</sup> Термин «административные ресурсы» указывает на близость к центру власти. Чем эта близость выше (т.е. чем меньше посредников в сети отношений), тем больше, благодаря ей, возможностей по извлечению всех типов ресурсов.

<sup>32</sup> McAdam, Doug. *Political Process and the Development of Black Insurgency, 1930-1970*. Chicago: University of Chicago Press 1982; S. Tarrow, *Power in Movement*, Cambridge, Cambridge University Press, 1998

неблагоприятны для появления социальных движений. Российский случай, при этом, не единичен. В частности, уже изучение Шарлем Курцманом иранской революции<sup>33</sup> продемонстрировало определяющих характер не политических структур как объективной реальности, но их восприятие акторами. Поэтому если даже накануне революции иранский народ видел в государстве сильную репрессивную машину, он воспринимал политическую оппозицию все более и более серьезно, и, в конце концов, поверил в вероятность ее победы, что сделало возможной революцию. Курцман, наряду с другими исследователями, призывает к пересмотру «объективистского» структуралистского подхода, чтобы отдать приоритет восприятию, эмоциям, ценностям и ожиданиям акторов – субъективной реальности.

Не в большей мере, чем теория «структуры политических возможностей», иные одномерные подходы заслоняют факт рождения в России социальных движений. Теория «рационального выбора»<sup>34</sup> сокращает почти до нуля саму возможность коллективных действий в России. Чтобы решить проблему, наиболее рациональным отношением с точки зрения выигрышей и издержек было бы полное бездействие и ожидание, пока воображаемо патерналистское государство сделает все само, или же индивидуальное действие в рамках своей сети неформальных межличностных отношений, с целью уладить свою частную проблему. Этот выбор, который соответствует наиболее распространенной практике и господствующей структуре властных отношений, имеет все шансы оказаться более эффективным и, несомненно, менее рискованным, чем открытый протест.

Подход в терминах «мобилизации ресурсов»<sup>35</sup> представляется более продуктивным, поскольку в качестве мотива создания сети активисты называют необходимость аккумуляции ресурсов, которые обычно очень ограничены в отсутствии координации инициатив и обобществления способностей и средств, которыми каждый обладает в отдельности. Но мы уже видели, что собственные ресурсы социальных движений остаются весьма незначительными, как в материальном отношении, так и в смысле солидарности, идентичности, организации и т.д.

Наконец, культурный подход<sup>36</sup>, который обращает внимание на проекты акторов по культурному изменению общества, если имеет важное значение для объяснения роста общности и массовости активизации, полностью упускает из виду прагматический мотив начала активного действия и приписывает чрезмерно высокий уровень общности и самосознания (в качестве движения) в обществе, отмеченном дестабилизирующей социальной уязвимостью, смутностью коллективных идентичностей и слабостью солидарности.

В соответствии с новыми разработками социологии социальных движений<sup>37</sup>, нам представляется наиболее подходящей многомерная теория. При этом, чтобы не пользоваться теориями только как ящиком для инструментов, откуда мы извлекали бы такой-то элемент такой-то теории, в соответствии с тем, способен он или нет объяснить некий аспект реальности, мы должны пытаться оставаться в рамках теоретически когерентного подхода,

---

<sup>33</sup> Kurzman Ch., The Iranian Revolution, in Goodwin, Jeff and Jasper, James M *The Social Movements Reader: Cases and Concepts*, Oxford, Blackwell publishing, 2003

<sup>34</sup> Olson, Mancur, *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1965; Oberschall, Anthony R., "Rational Choice in Collective Protests." *Rationality and Soc*:6:79-100, 1994

<sup>35</sup> John McCarthy and Mayer Zald, "Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory." *American Journal of Sociology* 82:1212-41, 1977; Ch. Tilly, *From Mobilization to Revolution*. – Reading, M.A.: Addison-Wesley, 1978, Oberschall, Anthony, *Social Conflict and Social Movements*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1973

<sup>36</sup> A. Touraine, *La voix et le regard*, op.cit.; Melucci, Alberto, *The Process of Collective Identity*. In H. Johnston and B. Klandermans (eds), *Social Movements and Culture*, Minneapolis/ London: University of Minnesota Press/UCL Press, 41-63, 1995

<sup>37</sup> См., в частности: J. Goodwin, M. Jasper, ed., *Structure, meaning and emotion*, New York, Rowman and Littlefield Publishers, 2004; McAdam, Doug and Snow, David (eds), *Social Movements. Readings on Their Emergence, Mobilization, and Dynamics*. Los Angeles: Roxbury; 1996 ; D.A. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi, *The Blackwell Companion to Social Movements*. Blackwell Publishing, 2004

который соответствует фундаментальным аспектам нашего объекта, а именно, зарождающимся социальным движениям, сталкивающимися с неблагоприятной для них структурой властных отношений. Тот факт, что эти движения только зарождаются, усиливает риск неоправданного употребления понятия «социального движения», которое может и не состояться в строгом смысле этого слова, но, вместе с тем, позволяет избежать ловушки объяснения *post-factum*, в которой оказывается большинство исследований.

Если мы обратимся к наиболее бросающимся в глаза результатам нашего полевого исследования, поразительной в случае России, особенно при эмпирическом сравнении с другими странами, оказывается решающая роль, которую в процессе социальной активизации играют лидеры. Именно они берут на себя инициативу в коллективном действии, осуществляют работу по мобилизации ресурсов (материальные, общественные, организационные, информационные, и т.д.), что описывает одноименная теория, они создают сети, которые обеспечивают некую организационную устойчивость, они формируют стратегию, выковывают коллективную идентичность. Из этой ключевой роли лидеров отчасти исходят теории социальных движений, которые настаивают, главным образом, на их роли в активизации социально уязвимых групп – то, что на самых ярких примерах мы наблюдаем в России<sup>38</sup>. В самом деле, чувствуя себя лишенными всякой власти, не имея иного опыта солидарности, нежели в неформальных сообществах «своих», как эти группы начали бы коллективно действовать, если бы не существовало людей, которые дают первичный импульс, убеждают, поощряют, показывают пример возможной альтернативы? Тезис достаточно очевиден, но проблема, недостаточно исследованная с теоретической точки зрения, состоит в том, чтобы социологически объяснить, откуда и каким образом появились эти самые лидеры. Действительно, если структуры властных отношений, равно как институциональная система современной России побуждают индивидов, прежде всего, пассивно примыкать к устоявшейся системе или уклоняться от нее уходом в неформальную сферу индивидуального выкручивания, как возможно, что в этих условиях появляются люди, осмеливающиеся искать иной путь? Лидеры, выступающие объектом нашего исследования, обладают очень разнящимися социопрофессиональными характеристиками, и ответ на этот вопрос нужно искать прежде всего в их социальном опыте и биографической траектории.

Хотя лидеры имеют очень разные личные траектории и происходят из различных социальных сред, общим для них является то, что можно обозначить термином «нонконформизм». Во многом их биография расходится с доминирующими социальными и культурными тенденциями («мейнстримом») их среды, в которой они родились или провели большую часть жизни. Это могут быть предприниматели или менеджеры, занявшиеся активизмом, дети неграмотных рабочих, набросившиеся на основополагающие тексты марксизма, молодежь престижных школ, утверждающая в политическом и провокативном радикализме и т.д.

Несколько примеров. Освещая демонстрацию против монетизации социальных льгот в качестве журналиста, Андрей, 35 лет к моменту начала движения, за несколько месяцев превратился в авторитетного лидера Координационного совета гражданских действий города Ижевска, созданного в феврале 2005. Ранее он уже проявлял активность в культурной сфере (создал студенческую театральную труппу) и в интеллектуальном отношении (признается, что испытывает восхищение перед И.Валлерстайном), но в молодости совсем не интересовался политикой. Прежде чем посвятить силы протестному движению в своем городе, он неплохо зарабатывал на жизнь в качестве журналиста и «пиарщика», работая для предпринимателей и профессиональных политиков. Его вхождение в движение и растущая активистская ангажированность открыли ему совсем другое пространство и... более чем вдвое уменьшили его доход. Уже скоро два года, как между двумя курсами в университете, где он преподает историю, и двумя репортажами в почти обанкротившейся газете оппозиции

---

<sup>38</sup> См., напр.: V.Edwards and J.D.Mc Carthy, *Ressources and Social Movement Mobilization*, in *The Blackwell Companion*, op.cit, p.116-152

он бежит с одного собрания на другое, с одной встречи на другую, организует жителей в комитеты защиты, а его телефон не прекращает звонить. Короче, из молодого интеллектуала на карьерном подъеме он превратился в «занозу» для местной власти и эмблематическую фигуру для тысяч людей, желающих защитить свои права.

Лена, около сорока лет, экономист, член правления ТСЖ своего дома, активистка Движения гражданских инициатив Санкт-Петербурга. Она руководила маленькой фирмой, предлагающей интернет-услуги, абсолютно не была вовлечена в политику (никогда не ходила на выборы). В начале 2005 она была вынуждена закрыть свою фирму из-за «государственного произвола». С тех пор работая на дому, она начала интересоваться проблемами дома, взялась за изучение нового жилищного кодекса и стала искать информацию и контакты, связанные с жилищными проблемами. Сталкиваясь с бюрократическими и законодательными препятствиями самоуправлению домом и встречаясь более опытными активистами, она постепенно вовлеклась в активистскую деятельность. Через год после банкротства ее фирмы она была избрана главой местной ассоциации жилищных активистов города «Надежный Дом».

Сергей, около пятидесяти, водитель автобуса, уволенный в 2005, одна из наиболее активных фигур профсоюза работников автобусного муниципального парка Перми. Из семьи необразованных рабочих, он перепробовал множество профессий и проехал по всей стране, прежде чем осел в Перми. Он занялся самообразованием, очень много читая, и открыл в себе страсть к оккультизму. С товарищами по работе он начал действовать против решения муниципальных властей о приватизации общественного транспорта и за сохранение своего рабочего места. Затем, приняв участие в демонстрациях против монетизации льгот, он присоединился к Координационному совету протестных действий города Пермь.

Настя, Татьяна, Игорь, Вася, Евгений, Нина — по всей стране их сотни, подобным образом посвятивших себя невероятной задаче коллективных действий и научения своим правам и гражданским полномочиям. Сотни очень индивидуальных биографий, которые не умещаются ни в какую схему. Предварительно (поскольку анализ биографических интервью продолжается) мы можем сделать вывод о том, что эти люди отличаются сильными личностными характеристиками и специфичными мировоззренческими чертами (чувствительности к несправедливости, любознательности и интеллектуальной открытости, критическому духу, социальной подвижности), которые превращают человека в действующего и инициативного лица при определенном стечении обстоятельств и сильном личном опыте, а также в результате ключевых встреч.

Чтобы обозначить потенциал зарождающихся социальных движений набрать силу и бросать вызов господствующим структурам власти, необходимо ответить еще на два вопроса: в какой степени производят ли они более общее доверие, и в какой мере их сетевая структуризация отличается от принципов, лежащих в основе «навязанной власти»? Само собой разумеется, что роль и черты лидеров и в этих вопросах играют немалую роль.

### **Социальные движения: иная модель социальных отношений?**

Можно переформулировать вопрос в более привычных терминах: не воспроизводят ли сами социальные движения господствующей модели социальных отношений, можно ли наблюдать в них повышение уровня общего доверия, утверждение демократических ценностей и складывание формальных правил, противостоящих «неформальным сговорам».

Наше полевое исследование, действительно, обнаруживает наличие общего доверия в рамках социальных движений, причем доверие лежит в самой основе социальной активизации. Научная литература, рассматривающая доверие, очень обширна, и социология социальных движений многое приобрела бы от ее более интенсивного использования. Даже если это спорный вопрос, большинство теоретиков соглашается с тем, что доверие жизненно необходимо для коллективного действия, и, более широко, для демократии. Оно тем более необходимо в столь раздробленном обществе, как Россия, с ее социальными связями, столь сильно фрагментированными и ограниченными рамками микрогрупп. Как рождается

доверие? Согласно Петру Штомпке, доверие предполагает гарантии (но не окончательную уверенность) в том, что люди или институты будут действовать предсказуемым образом<sup>39</sup>. Человек, который доверяет, принимает решение действовать вопреки неопределенности будущего и сомнениям в действиях других. Доверие — это своего рода прыжок в неизвестность. В столь неопределенном институциональном контексте, как российский, эта фраза обретает всю полноту смысла. Что подталкивает некоторых людей к риску вступления в коллективное действие, даже когда они не уверены в намерениях других участников действия?

Этот процесс имеет что-то общее с эффектом снежного кома, когда движение «воспроизводится», т.е. когда мобилизация не угасает после первого опыта коллективных действий. Поначалу, рассказывает большая часть участников изучаемых движений, они пришли на первую акцию в сопровождении человека, которому они доверяли и которого знали лично (межличностное доверие). Таким образом, в начале января 2005, например, в Перми активисты рассказывают, как пенсионеры собирались в местах, о которых предварительно договаривались из уст в уста или узнали по листовкам — маленькими группами жильцов одного дома или бывших коллег. Другой пример: активистки ижевского движения домкомов рассказывают, как их привели на первое собрание «давние подруги».

Но от акции к акции доверие понемногу распространяется на других участников действий, и, главное, на лидеров, которые, как свидетельствуют все, придают особое значение необходимости заслужить доверие. Более или менее постоянными участниками коллективных действий становятся те, кто доверяют лидерам. Наконец, последний эффект, который следует отметить на этом уровне: участники коллективных действий постепенно все больше доверяют себе самим, своей способности действовать, выражаться — что также является условием распространения доверия вовне. Стоит отметить, что развивающееся общее доверие поначалу складывается не на основе отвлеченных ценностей или общих установок, но на основе конкретного и разделяемого опыта совместно осуществляемых коллективных действий.

Но, прежде всего, доверие поднимается на более общий уровень, когда действия координируются, группы расширяются, структурируются в сети и открываются внешним участникам. Наиболее активные участники сетевой деятельности (межрегиональные конференции, координационные комитеты, объединенные акции) черпают в ней чувство общности интересов, точек зрения, чувство преодоления изоляции и принадлежности к движению, которое выходит за узкие границы микрогруппы. И здесь возникает первое отличие: между группами, открытыми к сотрудничеству с другими, и теми, которые, напротив, жестко отстаивают границы своей специфической тематической группы. В составе вторых мы чаще встречаем представителей «среднего класса» (в российском варианте), особенно москвичей, как, например, в случае обманутых соинвесторов, жертв жилищных пирамид. Выразители мнения этих групп сообщают об опасении, чтоб их специфические требования (например, завершение строительства зданий, за которые они внесли свои деньги) растворятся в более общих политических посланиях, касающихся большего разных категорий проблем или людей. Среди первых мы находим, в частности, региональные объединения, всеми силами стремящиеся выйти на федеральные «каналы». Здесь развивается общее доверие, даже в том требовательном определении, как способность первичных групп или активистов открыться новым участникам, обсуждать с ними условия сотрудничества, допуская возможность пересмотра правил или исходных целей.

Наше исследование новых социальных движений, ведущееся уже около двух лет, позволяет выявить некоторую эволюцию в этом отношении. Если на следующий день после своего появления (после волны протеста против «монетизации льгот») коалиции и сети представляли относительно мало дифференцированными, их дальнейшее существование привело к дифференциации и даже внутренним конфликтам относительно целей и средств

---

<sup>39</sup> Sztompka, P., *Trust. A Sociological Theory*, Cambridge, Cambridge University Press, 1999



действия. Что касается выбора в пользу открытости или закрытости к «новичкам», первый импульс — и здесь тоже — принадлежит лидеру. Некоторые лидеры видят себя прежде всего в роли «делателей сети», «создателей контактов» или «объединителей общественности». Другие больше говорят о своей роли «гаранта существования организации (группы и т.д.)». Когда два лидера одной и той же коалиции сталкиваются по поводу подхода, который нужно положить в основу действия, возникает внутренний конфликт, способный привести к расколу, что уже наблюдалось в некоторых изучаемых случаях. Необходимо отметить, что конфликты касаются форм открытости или закрытости коалиции, но также — характеристик этих «новичков»: некоторые предпочитают объединять рядовые гражданские группы без предшествующего активистского опыта, другие, кто, как правило, более сдержаны в вопросе открытости, предпочитают обращаться к уже существующим группам активистов (общественно-политическим организациям и им подобным), с уже известными целями и многообещающими ресурсами.

Напряжения между лидерами, представляющими разные подходы, усиливаются в предвыборный период, в который вступает Россия. По мере приближения волны региональных выборов (ноябрь 2006 и март 2007) и федеральных (конец 2007-2008), активистские или протестные сети превращаются в предмет вождения для различных политических организаций. Сохранение самостоятельности социальными общественными движениями (или сопротивление их инструментализации) во многом зависит от предпочтительного при расширении сети полюса: «обычные» граждане или же уже существующие общественно-политические организации. В первом случае предпочтение отдается развитию общественного движения, во втором — интеграции в институциональную политическую систему, что в описанном нами политико-институциональном контексте составляет серьезную угрозу существованию самого движения.

Эта дифференциация по большей части перекрывает другое отмеченное различие, затрагивающее конфигурации властных отношений, которые структурируют социальные отношения внутри коалиций или инициативных групп. И здесь снова эти конфигурации зависят главным образом от лидера. Во всех случаях активисты признают за лидерами обладателей «авторитета», то есть признают, что те обладают властью побудить к коллективному действию в указанном ими направлении (в терминах, используемых активистами: «люди за ним (ней) идут», «он(а) указывает путь, которому нужно следовать» и т.д. Таким образом, речь идет о власти, но какого типа? Здесь мы снова полагаем возможным выделить два типа лидеров или лидерства: более «авторитарный» стиль у одних, более «демократический» у других.

Опираясь на наши наблюдения, мы можем характеризовать демократический стиль через заботу лидеров об «*empowerment*» (если использовать устоявшийся английский термин), или уполномочивания, то есть побуждения других к тому, чтобы пользовались своей властью. Говоря о своих задачах, этот тип лидеров настаивает на необходимости делать из людей «полноценных граждан», «активизировать» их, короче, дать им возможность ощущать свое полномочие, приобретать собственный опыт власти. Им свойственны такие высказывания, как: «Мы стремимся пробудить население», «мы помогаем людям, только если они готовы сначала помочь себе сами», «мы пытаемся помогать людям самоорганизовываться, создать свои комитеты, взять в собственные руки решение своих проблем». И наблюдения показывают, что это не пустые слова. Эти лидеры на самом деле оказывают помощь по созданию инициативных групп, домкомов или городских тематических движений, помогают в организации местных акций, в установлении отношений различных групп друг с другом. Они скорее радуются, когда эти группы обретают самостоятельность, «могут обходиться без нас». Они также пытаются работать на появление новых лидеров, с удовлетворением констатируя, насколько некоторые активисты «вырастают», если пользоваться их собственным словом. Как нам кажется, все это хорошо вписывается в тип власти, осуществляемой совместно, разделяемой, власти «делать вместе», которая противоположна власти «над», «навязанной власти», господствующей в актуальной

социо-политической системе. Из этого типа опыта может возникнуть вызов господствующим властным отношениям, если эти опыты упрочнятся и приобретут общий характер. А также при условии, что этот тип лидеров не «выдохнется» (что требует значительной личной отдачи) и устоит перед давлением внешних обстоятельств. Здесь следует отметить трудноразрешимое внутреннее противоречие: «демократический» (уполномочивающий) стиль приводит к росту мобилизации низовых активистов, расширяет группу или коалицию, но также делает их уязвимыми по сравнению с организациями с более авторитарными властными отношениями и более прочной дисциплиной, более приспособленными к общему социо-политическому контексту.

Что касается черт «авторитарного» стиля, мы можем указать на важность, приписываемую этим типом лидеров их статусу, который должен быть формализован (в должности «председателя», «руководителя» и т.п.), формально почитаем (председательство на собраниях, открытие заседаний и т.д.) и защищен от любой конкуренции или покушения. Такие лидеры стремятся отстоять свое лидерство и видят угрозу в утверждении авторитета других активистов. Так, формальный «председатель» ижевского Координационного совета, 70-летний коммунист, опасаясь растущего авторитета более молодого лидера, летом 2006 года попытался безуспешно удержать власть внутри коалиции, опираясь на политические организации как левых, так и правых, с целью противостоять растущему весу низовых гражданских инициатив, более ориентированных на молодого лидера. Такие лидеры, склонные к иерархическому стилю, действуют скорее в логике контроля и управления своей группой или сетью. Они говорят о себе как о представителях и руководителях и ожидают от остальных членов лояльности и уважения к их положению. Это отношение оказывается ближе к модели иерархических властных отношений, чем к модели разделяемой власти, и едва ли, таким образом, предполагает возможность демократизации всей политической системы.

В этой связи имеет смысл отметить, что институционализованные политические организации (включенные в политические институты или стремящиеся в них попасть), даже объявляя о своей «оппозиции власти», оказываются намного ближе к модели навязанной власти, нежели к модели власти «делать вместе». Весьма немногие из них интересуются группами гражданских инициатив. Среди контактирующих с такими группами можно указать Российскую коммунистическую рабочую партию (РКРП), партию «Яблоко» и движение, недавно созданное бывшим чемпионом мира по шахматам Гарри Каспаровым («Объединенный гражданский фронт»). Наблюдение показывает, однако, что они чаще стремятся интегрировать группы гражданских инициатив и активистские сети в свои организации, чем поощрять создание новых групп или более общую активизацию населения. С этой целью они порой предлагают свои услуги и помощь некоторым лидерам, вводя членов своей организации или усиливая их позиции в активистских сетях, тем самым обеспечивая свое присутствие в совместных действиях. Таким образом, распоряжаясь более обширными ресурсами (материальными, организационными, политическими, административными, информационными и т.д.), чем активистские сети, они иногда способны если не взять контроль над последними, то, по меньшей мере, спровоцировать в них внутренние разногласия. В симбиозе с господствующей моделью, модель социо-политических отношений, которую они предлагают (делегирование власти официальному руководителю, решение проблем с использованием больших ресурсов или «магии» смены власти), действительно может оказаться притягательной для всех тех, кто не без оглядки идет на самоорганизацию и на риск самостоятельного использования собственной власти. Чтобы упрочить свое положение внутри активистских сетей, большинство лидеров «авторитарного» стиля с легкостью соглашаются на союз с этими организациями и часто являются их членами. Завершая разговор о политических партиях, отметим, что главная оппозиционная партия, Коммунистическая партия Российской Федерации (за исключением некоторых фракций коммунистической молодежи и некоторых отдельных региональных лидеров), не предпринимает никаких усилий к установлению контактов с инициативными группами или

активистскими сетями. Будучи самодостаточна, она сосредоточена на своих членах, подконтрольно ей «спутниковых» организаций и инертной массе своей традиционной аудитории. Более того, когда она вступает на почву местной общественной борьбы, она с размахом воспроизводит господствующую модель властных отношений, пытаясь контролировать низовые гражданские инициативы и ориентировать их на сугубо электоральную схему («Голосуйте за партию, и все устроится»), тем самым возвращая граждан к модели подчинения, вплоть до политического отчуждения.

### **Условия появления лидеров «демократического стиля»**

Если хотим идти до конца в социологическом рассуждении, мы не можем довольствоваться простой констатацией важности лидеров и способа осуществления ими лидерства. Если социо-политический контекст подталкивает к «неформальному выкручиванию», уходу в себя или подчинению навязанной власти, проблематичным представляется не только появление социальных движений – социологической загадки, которую мы уже отчасти раскрыли – но также существование лидеров, не соответствующих этой модели социо-политических отношений. Нам следует попробовать, таким образом, понять, откуда они приходят, что их толкает к тому, чтобы действовать в нарушении господствующих норм. Вопросы таковы: как некоторые люди, очевидно наделенные сильной индивидуальностью, втягиваются в коллективный протест (скорее, например, чем в построение личной профессиональной карьеры), берут на себя лидерство, разделяя свою власть с другими, и насколько их ангажированность устойчива во времени<sup>40</sup> ?

На основе доступных нам в настоящий момент данных, мы можем зафиксировать некоторые характеристики, общие для лидеров «демократического стиля»:

- 1) Они появились или утвердились в качестве лидеров на волне активизации, т.е. были признаны в лидеры «улицей», группой, вступившей в коллективное действие. Основным источником их авторитета (или лидерства), таким образом — «народ», не абстрактный и далекий народ, но действующий и близкий народ (их «социальная база», в политическом словаре). Стоит отметить, что эта близость, собственный источник власти этих исключительно местных лидеров, одновременно является источником затруднений для появления более массового движения, поскольку противодействует появлению лидеров федерального уровня.
- 2) Инициативная группа или активистская сеть — основной источник их публичного признания. Если эти лидеры могут опереться также на другие организации, членами или руководителями которых они выступают (общественные организации или политические партии), это не обеспечит их тем признанием или авторитетом, которые им дают более обширные активистские сети. Необходимо также отметить, что публичное признание этих лидеров редко ограничивается только низовыми активистскими группами, и выходит за их рамки. Но если они могут вступать в публичные дебаты или на равных вести переговоры с представителями институционализированной власти, этим они снова обязаны, главным образом, власти, которую им обеспечивают активистские сети (а не их формальный статус внутри узкой организации, личные контакты или их материальные ресурсы).
- 3) Эти лидеры эмоционально связаны со своей социальной базой продолжающейся совместной борьбой, коллективно празднуемыми победами и неудачами, которые встречают «плечом к плечу». В интервью лидеры охотно углубляются в долгие и

---

<sup>40</sup> Метод, наиболее приспособленный для этого типа вопросов – биографическое интервью, которое к настоящему моменту мы провели с крайне небольшим числом лидеров. Несмотря на трудности такого проникновения в подробности личной жизни активистов, скорее привыкших обсуждать свою общественную жизнь, нам следует продолжать двигаться в этом направлении, безосновательно оставленном без внимания современными теоретиками социальных движений. О чем сожалеют в своих введениях, например, следующие авторы: D.Croteau, W.Haynes, Ch.Ryan (ed.), *Rhyming hope and history. Activists, Academics and Social Movements*, Mineapolis, University of Minesota Press, 2005; см. также R.Flacks, *Knowledge for What? Thoughts on the State of Social Movement Studies*, in J.Goodwin, J.M.Jasper (ed.), op.cit., p.135-153

подробные живописания тех или иных эпизодов коллективных действий, которые их впечатлили. В эти моменты их глаза сияют, становится заметно волнение. Они переживают радость, удовольствие, а также гордость. Наконец, опыт власти совместного действий становится источником самоутверждения. Это открытие — мочь сделать самому, но также «для» и «с» другими. Откуда — самореализация, которая происходит совсем иначе, чем это предполагают господствующие нормы (делать деньги или занять место в институциональной политико-административной системе), более того, через вызов этим нормам. Чем больше длится эта ангажированность, тем больше лидеры привязываются к своей базе, тем меньше у них соблазна уйти в противоположный лагерь, вернуться к норме. Разрыв эмоциональных связей способен даже привести к тяжелому личному кризису.

- 4) Лидерам этого типа свойственен рост их социального капитала. Они получают признание все большего числа людей: поначалу в масштабах их родного города, затем региона, наконец, очень медленно, всей страны. Их уважают, им доверяют. Взамен все они выражают готовность заслужить уважение, быть достойными доверия — что, таким образом, предполагает такие же обязанности, как и права.

В данном кратком изложении представлены основные условия, которые позволяют нам видеть во власти, осуществляемой этими лидерами, предпосылки модели, альтернативной господствующим властным структурам. Прежде всего, источник их власти — это организованные и действующие люди, которые защищают свои права и осознают свою власть «делать вместе», т.е. в принципе способны контролировать действия лидера. Наконец, власть не предстает самоценной. Смыслом обладает участие в коллективных действиях, а не власть сама по себе. Именно власть «делать вместе» постепенно становится смыслом жизни. Это — открытие перспективы эмансипации господствующей модели власти, социального изменения.

### **Итоговые замечания**

Мы показали, что социальные движения в самом деле начали образовываться, несмотря на крайне неблагоприятный социо-политический контекст, в течение всего наблюдаемого периода (с конца 2004 до конца 2006 года). Мы обнаружили, что они несут в себе потенциал пересмотра господствующих властных отношений, заданных авторитарной или «навязанной» властью. Но мы не можем извлечь из этого никаких окончательных выводов о вероятной реализации такого потенциала. В настоящий момент эти движения, в любом случае, охватывают лишь ничтожно малое меньшинство населения. Они сталкиваются с давлением и очень сильными внешними принуждениями, которые ограничивают возможности их роста. Наконец, им также свойственны внутренние разногласия, которые их ослабляют.

Несмотря ни на что, в их недрах формируется новая модель властных отношений, основанная на общем доверии, возникающем из совместного опыта коллективных действий, так же как на опыте отправляемой совместно власти. Главный вопрос — это жизнестойкость этой модели и ее способность к распространению. Его решение зависит от возможностей институционализации модели самими активистами (длительное членство, формализация поведения и взаимодействий в уставе или резолюциях, формирование своей идеологии и т.п.). Это продолжающийся процесс, но он сталкивается с множеством препятствий. Другое важное условие — это способность зарождающихся социальных движений пробиться на федеральную публичную сцену. В этом отношении, процесс формирования сети также идет, но критическая масса еще не достигнута. Существует также проблема слабой считываемости и видимости коллективной идентичности и коллективного послания. Ценную помощь здесь могли бы оказать общественные деятели, журналисты, независимые исследователи, если бы они приняли участие в распространении другой политической культуры, основанной на власти совместного действия. Наконец, многое зависит от лидеров, от роста их числа, но также от их способности к сопротивлению и реализации новой правомочной модели власти.

*Пер. с фр. Александра Бикбова*